

Перед Крещением затрещали лютые морозы, под вечер разыгралась метель. Фермер Роман Слепцов полдня ждал ветеринара, не зная, что делать с Дамкой – у кобылы бока раздулись, с чего бы? Пришёл ветеринар, осмотрел и предположил: возможно, она объелась некачественного овса. Оставив кобылу на его попечение, он занялся другими домашними делами, а потом выпил-закусил, прилёг на диван под вой метели и задремал. Приснился ему странный сон: на Орлике, что под «Дворянкой», стоит незнакомец в белоснежном овчинном тулупе и набирает из проруби черпаком воду в бочку, стоящую на санях, в которые впряжена Дамка. Это, однако, не вызывало в нём никакого удивления, словно она уже выздоровела и передана соседу-селянину по его просьбе на перевозку сена с дальнего конца поля. Такое было. Между тем возчик, лицо которого он не разглядел, набрав бочку воды, неспешно выехал на правый берег Орлика, двинувшись напрямик через заснеженные сады и огороды в сторону 2-ой Пушкарной улицы, и скрылся в густом тумане. Фермер забеспокоился: возчик повёл кобылу, словно не было ни заборов с сараями, ни других препятствий. Он пошёл туда же, однако, вскоре

потеряв сани из вида. И тут с необыкновенной лёгкостью сон переместил его к храму Иоанна Крестителя. Он оказался в толпе верующих, да ещё с простым солдатским котелком в руке. И у других горожан были такие же котелки, словно пришли за кашей к походной кухне. На лицах – ожидание раздачи. Среди них и заместитель мэра с депутатами горсовета, и Тимофеевна – знакомая продавщица мясного ларька с внучкой, и «Паха» – братан со Сталепрокатного рынка. Они даже не кивнули ему, словно век не знали и знать не хотят, - стоят и от мороза перебирают ногами. Толпа растёт, и тут из морозного тумана выплывает его Дамка и тащит сани с бочкой через трамвайные рельсы Карачевской улицы, приближаясь к храму. Народ, успев наморозиться, радостно оживился. И он, невольно поддавшись общему возбуждению, начал протискиваться сквозь толпу навстречу саням. С трудом приблизился к кобыле и неожиданно для себя сделал открытие: на санях с черпаком в руке стоял не кто-нибудь, а сам... архангел Михаил! Был только миг удивления, потом Слепцов принял это совершенно спокойно, словно именно ему и одолжил Дамку.

Между тем толпа выстроилась гуськом в длинную очередь к саням, и он стал ждать своего продвижения к бочке. Архангел Михаил, опустив руку с крестом в бочку и освятив воду, принялся черпаком отливать её в первый протянутый котелок. Роман Слепцов, посматривая на раздаточный процесс, вскоре сделал для себя открытие. Оказывается, архангел наливает воду в котелки не всем поровну, а исходя из каких-то своих предпочтений. К примеру, заместителю мэра отлил всего полчерпака, а Тимофеевне с внучкой – оставшуюся часть. «Пахе» – всего ничего, так – чуть плеснул водицы и шепнул что-то сочувственное. Очень удивился фермер: «Я считал, – мелькнуло у него в голове, – кто больше грешил, тому больше святой воды требуется, а у него, ишь ты – другой подходец, здесь что-то кроется». Когда же очередь дошла до него, посланец неба вообще ничего ему не налил, да ещё больно толкнул в грудь торцом ручки черпака, scomандовав: «Ступай прочь!» Слепцов вопросительно взглянул на него, из уст вырвался вопрос:

– Это почему же?

Тот и объяснил:

– Опохмелись! Вишь, котелок-то ходуном ходит, могу промахнуться. К тому же, ты своё уже выпил сполна.

– Держать буду двумя руками, не дрогнет...

– Сказано, – отходи! Не видишь, – божий народ волнуется, мороз крепчает. Мне ещё на речку ехать придётся – два рейса сделать. Мэр просил водицы подбросить к храму моего имени, что на Посадской, как не уважить бывшего автотранспортника...

Отошёл Слепцов, обиделся: «Как же так? Не сказал: «Зайди в храм, помолись, свечку поставь, а грубо потребовал: «опохмелись!» Я ж ему кобылу дал, а меня – деревяшкой в грудь... Какой ты после этого архангел?» Разволновался фермер, заёрзал на диване и проснулся. Минуту-другую соображал, где находится: возле стен храма или в квартире на Сталепрократном?

За окном свистела метель, наконец, дошло: вздремнул в новом деревенском доме. Поднялся и подумал: надо бы ещё раз взглянуть на кобылу, и сделать распоряжение Митрохе, потом ехать в Орёл, пока совсем не занесло дорогу. Сон тотчас забыл, мало ли чего в голову влетает?

У сарая-конюшни заметил Митроху, сгибающего снег лопатой. Тот проинформировал хозяина:

– Звонил Илья, тот самый... С тобой говорить хотел. Недоволен был очень, говорит, что ты ему крупно недоплатил осенью при расчёте... Орёт, что терпеть дальше не намерен. «Сволочь!» – сказал про тебя. Что отвечать, если повторится?

– Говори что хочешь, я заплатил ему сполна, хотя он, подлюга, и того не стоит, пусть у бригадира своего поинтересуется, сколько обговаривали и сколько дней бездельничал он в августе. Пусть голову мне не морочит, как говорится, «поезд ушёл, рельсы остыли». Надоел, гад!..

– Крепко-крепко материл тебя...

– Отвёл душу и ладно, ты своей работой занимайся!

– Мне что? – моё дело маленькое, я извещил, а там хоть трава не расти, ты ж – хозяин...

Митроха в последнее время стал его раздражать своим независимым видом, к тому же, память у того слабеет – по десять раз приходится говорить одно и то же, но всё равно сделает по-своему. «Выгоню в шею к весне» – пообещал себе Слепцов, сядясь в купленный осенью внедорожник.

*

Иван Дмитриевич – бывший лётчик гражданской авиации тоже слушал метель в избе тёщи – соседки фермера Слепцова. Тёща захворала, и её поместили в областную больницу. Не первый раз попадает она туда. Каждый раз, когда находится на лечении, он приезжает в деревню, присматривает за её хозяйством. Совсем перебраться к ним в Орёл не хочет – не представляет себя без деревни. У неё здесь хозяйство: два десятка кур с петухом и шесть гусей. Даже собаки нет, лишь два кота держит, чтобы гоняли мышей. Привык Иван Дмитриевич к её избе. «Летом здесь хорошо, – думает он. – Гуси сами кормятся, правда, зимой зерна требуют, но кормить их – дело нехитрое. Вон, свистит метель и что? Газ и электричество ещё в советское время провели, телефоны в деревне кое-где ещё работают, в доме тепло, вечерами можно смотреть телевизор. В подвале 15 мешков картошки, плетёнка моркови, кочаны капусты... В шкафу на кухне – крупы разные, чай, хлеб... Хлеб, правда, привозной – автолавка два раза в неделю приезжает. Пищу готовить он умеет. Жена за него спокойна, говорит: «поживи пока в деревне». Нелёгко ей одной в Орле, но мать есть мать, может, скоро

выпишут, а пока ежедневно она ходит в больницу подкармливать её».

И он вспомнил, как два года назад приехал сюда летом: ходил, вызнавал, чем дышит-живёт местный народ. Соседа встретил, познакомились, тот назвался Сергеем Панкратовичем и ввёл его в обстановку:

– Смотри сюда, видишь? – указал пальцем в сторону торчавших крыш. – Там стоит заколоченная хата, дальше две такие же, а рядом – ещё и ещё... Никого нет, уехали люди, а какие померли. Деревня обезлюдела, коров и тех осталось две на всю деревню. Молоко пьём пакетное, что привозит автолавка. Разве сравнить его с нашинским, а где взять? Держат лишь поросят, да птицу. Цены на всё растут, покупаем самое необходимое, без чего не обойтись. Бани нет – моемся во дворах или избах. Медпункт закрылся, властям невыгодно его держать.

– Почта есть? – поинтересовался Иван Дмитриевич.

– На замке почтовое отделение, клуб тоже закрыт по той же причине. Правда, телефонная связь ещё работает. Дорога ухабистая, в Змиёвку выезжаем, когда приспичит. Питаемся, что дают огороды. И все наши беды пошли после развала колхоза. Люди начали разбегаться – в столицу перекинулась молодёжь, а старики – на погосты. Кое-кто сделался фермером. Немного таких набралось, но считаемся первыми – с нашего района началось фермерство в области. Тут угнездились, скажу тебе честно, наиболее расчётливые мужики, но таких – островок среди моря нищеты. И твой сосед Ромка – туда же... По-новому захотел жить...

– Что в этом плохого? Смотря как, по-новому? – хотел уточнить Иван Дмитриевич.

– С наглостью! – вот как. Всколыхнулось море, захлестнула волна, поднялась со дна разная нечисть, жадная до чужого, и он туда же... Прикинул: земля захвачена агрохолдингами, в поле делать ему нечего, сельхозтехника тоже в ловких ручищах. И решил на осиротевшем родительском дворе разводить гусей, уток и кур стадами. С зерном нет проблем, – успевай только подвозить. У него «Жигуль» ещё от отца остался. Потом сразу купил себе новый внедорожник.

– Разбогател?

– Непонятно как, но счастье привалило. Он прежде работал на Сталепрокатном заводе, потом там стали платить копейки, и уволился, перебрался в отцовскую хату и наладил дело.

Уже на следующий год начал забивать птицу и распродавать её на базарах, научился коптить туши в самодельной коптильне. Младшую сестру Катерину подключил к делу. Она торговлей занялась, оказалась расторопной, потом привезла ему в помощь бомжа Митроху, и он прижился у него: пас гусей, кормил их, забивал, ошпыливал, разделявал... Ромка на нём экономит, денег ему не платит, всё одно – пропьёт. Зато у того есть кров и еда. В городе он никому не нужный, потому как беспаспортник. Конечно, трудится не только он, летом приезжают помогать городские Ромкины родственники. Зимой не показываются. Двор до весны пустеет, остаётся лишь Митроха. Он и конюх, и сторож. Интересный человек, сам потом узнаешь.

– Добротный дом поставил фермер. Стройка – дело трудное, у него что, семейный бизнес?

Панкратович неопределённо крутанул головой и пояснил:

– Вообще-то, он сам делами заправляет, – мотается туда-сюда. Машина за машиной приезжали с кирпичом, лесом, бетоном... Потом бригаду строителей нанял, орал на них – на другом конце деревни было слышно.

– Семейный? – ведь дом здесь, а в город уезжает...

– Ходит слух, что женатый, есть двое детей. Жена дважды от него уходила и возвращалась, теперь, вроде бы, окончательно уехала в Ливны к родителям. Чья у него квартира в Орле, – не могу сказать. У тёщи при случае спроси, она больше меня знает. Я с Ромкиным отцом не ладил. Он в молодости утрёпывал за моей Зинкой, не раз схлёстывались. Хрен ему – я женился на ней, а он с носом остался...

– Судя по тельняшке, ты моряк?

– Давно это было. Пять лет отдал военно-морскому флоту. Когда демобилизовался, на трактор посадили меня, по колдобинам, как по волнам поплыл, и сразу в поле. Теперь вот, пенсию жду, начислят, а сколько? Всё переменялось, концов не найти, справки требуют... У тебя хорошая пенсия?

– Жить скромно позволяет. Лётная она у меня, – зависит от полётных часов. Надо налетать шесть тысяч. К примеру, у вас трудовой стаж в годовом исчислении, а у нас несколько иначе: 20 часов лётного времени приравниваются к месяцу трудового стажа...

– А меня однажды от трактора отстранили и поставили на прикол. Погоди, когда-ж, это

было? А-а-а! – при Горбаче, когда он с водкой боролся, а мы наоборот, – самогонили с удвоенной силой...

Панкратович усмехнулся, и тут же хмуρο уставившись в землю, продолжал:

– Помню, напился я, и в сон потянуло, а меня просят-умоляют: «Сядь на «Кировец», вытащи из грязи комбайн». Дело, конечно, минутное, но развезло меня тогда. Хрен, думаю, вам, не поеду. Всё же уговорили. Сел и поехал. Еду-еду – впереди столб, а в глазах – два: стоят, то расширяют, то сужают пространство. Я – туда, чтоб проскочить, где шире... И точно влетел в столб! Снёс его, мотор заглох, и я заодно. Потом, чуть не посадили за решётку. Трактор, ладно, – чинить не впервой. Новый столб поставить – проблема!.. Лишил деревню электроэнергии. Лишили и меня всего, чего придумали. Долго к трактору не подпускали, стоял на причале... Сам себе укоротил трудовой стаж. Кстати, Митроха насчёт стажа не заморачивается. Поговори с ним, – интересный бродяга... Всё думаю, долго ли он удержится у Ромки?

В другой свой приезд в деревню Панкратович повёл показать ему свою небольшую пасеку – четыре улья. Рассказал, что намерен расширить её, – деньги нужны, чтобы достроить самодельный тракторок. И показал его, стоящего в сарае, мол, надоело у Ромки просить по весне Дамку для вспашки огорода. Зашли в дом. Оказывается, жена у него умерла. Теперь живёт с зайцем. Иван Дмитриевич искренно удивился, когда русак смело подошёл к нему и положил передние лапы почти на грудь, обнюхал лётную кожанку.

– Чудо лопухое! – воскликнул он, а хозяин пояснил:

– Это – Руська. Другую зиму со мной зимует. Собака в зубах принесла, – смотрю, держит за шкурку зайчонка, где-то набрела на него. Я отобрал, осмотрел: шкура чуть прокусана. Держу в руках, а он верещит, ругается, значит, требует свободы. Опустил на пол. Он осмотрелся, начал хлебные крошки собирать. Кочерыжку дал – жуёт. Ну, думаю, живи косой, посмотрю, что с тобой дальше делать. Видишь, прижился, ручным сделался. Теперь мой лучший друг! У него язык, что наждачная бумага. Утром будит – прыгает на кровать, начинает лизать щёки, шею, мол, вставай, пора что-нибудь жевать. За мной по пятам ходит по избе: куда я иду, туда – он, а когда мне бывает тошно, начинает развлекать прыж-

ками. Прыгает до потолка! Куролесит, барабанит по стулу, подходит, мордочкой щекочет, чтобы, значит, потрепал за уши. Это тебе не кролик, – тому лишь бы брюхо набить. Кролов держал, знаю. Руська – мужичок сообразительный, преданный не хуже собаки. Когда ко мне Митроха приходит, он его встречает, лапами бьёт по карману, чует конфеты, просит угостить. Тот иногда балует его. Никогда не думал, что зайцы любят конфеты...

С Митрохой Иван Дмитриевич тоже быстро сошёлся в свой ещё первый приезд. Когда божм узнал, что перед ним бывший лётчик, он вынул из кармана лист бумаги и прочитал:

Летчик на пенсии.

Ходит на лекции.

Перышки птиц собирает – коллекцию.

Чинит в квартире электропроводку.

Пьет простоквашу из рюмки, как водку.

И не летает... Совсем не летает.

Старую молча кожанку латает.

Выйдет,

бодая квартирные двери,

сядет на лавочку

где-нибудь в сквере;

смотрит на круглое небо украдкой.

Небо,

извечное небо –

в порядке.

А на душе неуютно, нелётно и беспросветно.

И всё, что угодно.

...Чем отравить!

Не любовью, не славой – небом...

Такою роскошной

– Сам сочинил?

– Поэт Глеб Горбовский написал, называется «Лётчик на пенсии». Я в журнале нашёл, понравилось, выдрал лист.

Промолчал Иван Дмитриевич. В отличие от лётчика из стихотворения, он «на лавочке в сквере», никогда не сидел от скуки. Выйдя на пенсию, отдавал всё свободное время старому увлечению – делал маленькие модели самолётов.

Любовь к авиации возникла у него ещё в пионерском возрасте, когда занимался в авиамодельном кружке. В городской квартире у него на полках стоит много стендовых копий самолётов, в том числе, на которых летал, а летать приходилось по всему Советскому Союзу. Увлечение с годами росло, да только времени не хватало. Теперь, в доме тёщи он может и телевизор смотреть, и ножичком вырезать детальки очередного фюзеляжа уже радиоуправляемой модели с бензиновым двигателем. Что там ножичком? – специальных инструментов – сумка не вмещает, в ней и рулончики особых материалов хранятся, и краски, и клей... За многие годы научился паять, клеить, красить, строгать-шлифовать, раскраивать. Работа кропотливая, не каждому даётся. К весне опробует своё изделие – простор для полёта имеется. Порой работает, словно разговор ведёт о минувшей жизни. Мысли иногда делают неожиданные повороты, и он напевает:

*Спокойно грохочут турбины,
бежит под крылом полоса.
Тяжёлые наши машины
стартуют легко в небеса.*

Небеса ему часто снятся. Вчера, например, летел он в синем небе, раскинув руки, как крылья самолёт, а впереди маячила в дымке облаков какая-то таинственная звезда, а он никак не мог к ней приблизиться. Теперь вот, думает, что это было? Она и в прошлых снах не раз напоминала ему о себе.

И слышит, как в коридоре кто-то снег обивает, топчется в полумраке, дверь в комнату никак не нашарит. Заглянул, а там бабка Акулиха, что живёт в избе за вербами возле речушки Неручь. Никогда в гостях у него не была, хотя о здоровье тещи интересуется при встречах. Недавно установилась на его унты, в которых ходил за водой, и спрашивает: «Пошто так вырядился?» Когда же рассказал, зачем их дают лётному составу, одобрила: «Хорошая обуша, никакая ревматизма не возьмёт!»

Акулиха перевалила за девяностолетний рубеж, всех мужиков моложе себя, называет не иначе, как «дитятко». К такому обращению в деревне привыкли.

Поздоровалась, вошла и сразу выложила просьбу:

– Я, дитятко мой, пришла вот зачем: надобно курчонка зарубить, племяш должен прикатить

на днях. Угощеньев у меня нетути, сам знаешь, как живём, вот и хочу ему заранее щёц стготовить... Могла бы сама справилась с курчонком, да дюже птица эта вёрткаая, и глаз у меня не тот.

– Нет проблем, Акулина Васильевна, отрублю башку вашей курице, хотя не любитель этого дела. Митроха, например, хлопнет топором и глазом не моргнёт. Сотни две-три гусей за осень переколотил.

– Не-е-е, к ему шага не ступлю! Нешто это человек? Жизнь свою профукал, мать родную бросил помирать одну. К тому ж, языком молотит попусту, что мельница. Хвастал надысь: «Я и там был, и то видел»... Шиш волосатый, вот кто он, прости, господи, а не человек. Зря ты, дитятко мой, разговоры с ним разговариваешь, он – птьфу! – пустое место. Не-е, уж лучше ты... и топорик прихвати свой, у меня – плоханький...

– Да хоть сейчас! – начал собираться Иван Дмитриевич и полюбопытствовал: – Племянник с чего бы в мороз гостить надумал?

– И я тожа ему в трубку говорю: «Глянь Коляжка, в окно-то. Видишь, погода взбесилась, хороший хозяин собаку из хаты не выгонит, дороги запуржило – куды собрался?» А он смеётся: «Ничего, бабуля, на другой день всё переменится, погоду обещают справную, я на лыжах кататься надумал, мне твоих пять вёрст не кряк». Вот тахто-то... Теперешние молодые, как только установят ёлки на новый год, так со столов и не вылазят, считай, – до святок гуляют. Потом, идут, лица распухшие и пиву сосут. Не все, конечно. Есть, как Коляжка мой – работающие, и интерес проявляют к Богу – тянутся, значит... Мне он заладил одно: «Отдай да отдай, бабуля, икону Николая Угодника»... Ну, ту, что от мужа мово осталася. Я и посулилась отдать – дюжа просил и говорил: «Угодник – мой тёзка, помогать будет в делах». Тепереча прикатит с рюкзаком – придётся отдавать... Мне много образов не надо, Спаса хватает. И книжки святых отцов не собираю, как некоторые. У меня в голове Евангелие с детства сидит, не вышибешь – в сердце ношу. Это вам надо читать для ума и сердца... Ну, что собрался? Пойдём, дитятко, а то, вишь, я тебе на пол наследила...

Иван Дмитриевич облачился в лётную куртку с чёрным воротником, нахлобучил шапку с опущенными ушками, сунул ноги в унты, взял подмышку топор, и побрели они по глубокому снегу к её избе.

Она шагает впереди в ношенном мужском полушубке и валенках. Когда оборачивается к нему от порыва ветра, кажется ему, – веет теплом. Бабка Акулиха скуластая, карие глазенки широко расставлены, от них бегут под шерстяной платок «заячьи лапки». Время оставило на её лице множество борозд и ямок, пушок посеяло на верхнюю бескровную губу, но не согнуло позвоночник. Идёт прямо и упорно, словно главнее её в деревне нет никого. Она – мать, остальные – «детятки».

– Чем занимается племянник? – спрашивает её на ходу.

– Тряпки заморские свозит в Змиёвку, торгует ими в палатке. А что? – берут люди одёжку привозную, своё рукоделье-то забросили. Он и меня хотел облачить во всё завозное, но я погнала его... Нешто стану чужие обноски носить? Намедни навёз их в посёлок и в отдых пошёл, потому как продажа некудышная. Говорит: «Ладно, не берут товар, стану на лыжах кататься».

– Одной зимовать не страшно? – всё же возраст есть возраст.

– Не всегда одна. То Полина ночует у меня, то Маша. Все свои, а как иначе? Чего страшиться-то? Волков охотники поубивали, а худым людям тут нечем пожить, они в города поутёкли. Годков – да, у меня много, но врачиха сказала: «Ишшо столько же проживёте». Нет, дитятко, не страшно, я здесь родилась... Ну, вот и притопали к хате моей!

Ходьба отняла у Ивана Дмитриевича больше времени, чем курица, – отрубил голову ей и вернулся к себе. И видит при подходе к тёщиной избе, как Слепцов завёл машину и поехал в город. Уехал, и бог с ним. Не любит его местный народ, ругается при одном упоминании его имени.

Зашёл в избу, разделся, включил телевизор. В голову заскочила мысль: если Слепцов уехал, то скоро объявится Митроха, скучно ему одному в доме фермера.

Вот и он, – лёгок на помине. От распахнутой двери потянуло морозным паром.

– Здорово, Дмитрич, в гости пустишь?

– Заходи, заходи, Митроша... Нет, погоди, снег не тащи за собой, обмети, и сбрасывай валенки, фуфайку, – останавливает его Иван Дмитриевич и улыбается, глядя, как тот непонимающе смотрит на него. – Сколько раз

просил... Ты уже к бутылке приложился или думаешь?

– Как укатил хозяин, так и остограмлился. Мне Пашка-ветеринар отлил от бутылки, что получил за Дамку. И велел овёс ей не давать, может, говорит, протравленный. Будет выяснять.

– Тебе Ромка запас продуктов привёз?

– А как же? На этот счёт он не жлоб, но всегда предупреждает: «Не жри харчи всё сразу, не на курорте!» Выпивки не привозит, сердится: «Напьёшься, как свинья – беды наделаешь». Сегодня отругал за кормушку во дворе. Её снегом занесло, там зерно оставалось. Я говорю, что прикрывал рубероидом, но его ветром сдуло. Всё равно обматерил, – поясняет Митроха, располагаясь на диване напротив телевизора, чтоб не мешать Ивану Дмитриевичу.

– Однако находишь, где выпить?

– Попробуй, поживи без самогонки, когда такая хрень в стране! Мы же не мусульмане, хотя и они порой наркотой дурманятся... Вообще-то, Дмитрич, людям с глубокой старины всегда хотелось райского блаженства, – вернуться в настоящий, заоблачный дом, – начинает привычно философствовать Митроха. – Ведь всё, что строится на земле, ветер времени сдувает, превращает в ничто!

– Ух, ты! – здорово обобщил. Стало быть, у Ромки зря время теряешь, пора опять в бега пускаться? – интересуется пенсионер.

– Нет, ещё не пора. Слепец ко мне ключик подобрал – кучу книжек и старых журналов привозит, что люди оставляют у подъездов домов. Вытащит из багажника и говорит: «На, читай, чтоб самогонку от зимней скуки не лакал!» Сам не приучен к чтению. Ему деньги глаза залепили, он не только слепец, но и подлец вдобавок!

– ???

– Не кругли глаза, Дмитрич, он с «Пахой», дружком своим, собирает дань с баб, что торгуют на Северном рынке. Вместе разбойничают да ещё внушают: «Мы ваша крыша – защита от чужих сборщиков». И не важно, бабка старая торгует или молодая мамочка, которой детей нечем кормить, всё равно требуют дани: «Плати, не то пожалеешь». И с южан-палаточников собирают. Куда мэрия смотрит, ей что, деньги тоже глаза залепили? Мэры из фанеры! Годами не интересуются, что происходит на городских базарах, а там грабёж среди белого дня...

– Тебе это нужно? – ставит вопрос Иван Дмитриевич.

– Мне до фонаря, коли так устроен мир, но я не раз видел, как бугаи, вместо того, чтобы силушкой своей защищать слабых людей, укорачивают им и без того горькую жизнь. И потом, кто-то же должен позаботиться, чтобы и для бомжей, вроде меня, и для бродячих собак денежки имелись в городском кармане. Сегодня Ромка приезжал один, обычно – с «Пахой». Когда оба сойдутся, то начинают выяснять: «кто задолжал и сколько?». Из разговоров я понял, что сосед твой, Дмитрич, подлец! Он лишь наполовину фермер, а вторая его часть чёрная, и деньги такие же, что на дом пошли и внедорожник. Кстати, знаешь происхождение слова «подлец»?

– Не задумывался, мне что «подлец», что «мерзавец» – всё одно.

– Не совсем так, дорогой мой. Когда-то в древней Руси за большую провинность человека зимой привязывали к столбу и обливали холодной водой. Лили воду, пока не замёрзнет. Тот, кто подливал воду, назывался «подлецом», а замерзшего преступника звали «мерзавцем».

– Ишь ты, всё вычитываешь, запоминаешь. Зря на память жалуешься... Кстати, а слово «дурак» откуда?

– Оттуда же – из язычества нашего. Это когда родители давали имена детям по порядку рождения: «Первак», «Другак», «Третьяк», «Четвертак» и так дальше. «Другак» в детском произношении звучит как «Дурак». Постепенно так и стали в семье называть второго ребёнка, а вовсе не потому, что он умом неполноценный. К примеру, в некоторых документах 17 века встречаются записи владельцев поместий: «Московский князь Дурак Мишулин», или «однодворец Дурак Засекин». Кто такой, наш сказочный «Иван-дурак»? – нормальный русский человек, просто у него два имени: христианское и языческое. Ведь как было? Когда пришло Православие, попы долго выбивали из наших предков языческий дух, в том числе привычку называть детей по-старому. Например, хотел крестьянин назвать второго сына «Дураком», а поп ему говорит: «Христос отнимет разум у сына твоего за неправильное название. Не впадай в грех непослушания, лучше назовём его в честь одного из апостолов». И спрашивает отца ребёнка: «Когда у тебя родился сын?» Тот отвечает: «Намедни». – А-а-а, – говорит поп, – понятно: мы тогда в храме возносили молитву святому апостолу Петру. В честь его и назовём твоего сына Петром». Так мы перестали носить

древнеславянские имена. Остались разве что Святослав, Станислав, «Олег», Ольга, Никита и ещё кое-какие.

– Познания у тебя, Митроша, профессорские, с тобой не соскучишься. Значит, книжки тебя удерживают от шатания по российским просторам? Вот и расскажи, в чём был смысл твоей беготни, всё одно пока нет ничего хорошего по телеку – одни убийства и расследования. Да и про богатеев надоело смотреть.

Иван Дмитриевич выключил телевизор.

– Никакого смысла не было, – решительно заявил Митроха. – Судьба так сложилась – против неё не попрёшь. Грех родовой на мне сказался. Дед и прадед годами семей не видели – отхожими промыслами занимались, правда, папаша мой городским случайно стал – художественное училище окончил, но к городу так и не прилип. Стал куролесить по деревням, жён менять... Меня родил от последней жены, на ней и остановился. Детей по его линии, кое-каких я знал, да забыл. Лицо своей матери, слава Богу, помню...

И Митроха осенил лоб пальцами быстро и неумело.

Митроха – это всего лишь курносый нос и острые бледно-синие глаза, – остальное заросло седыми путаными волосами, они же торчат у него на груди из-под байковой клетчатой рубахи. Штаны на нём спортивные с лампасами. На ногах чистые, грубо вязанные носки. В целом смотрится не хуже местных стариков, правда, если его хорошенько подстричь.

– У меня машинка хорошая, давай, прямо сейчас, тебя подстригу, приведу твою голову в порядок, нельзя же так зарастать! – однажды накинута на него Иван Дмитриевич. – Неужели нравится ходить в таком виде?

– Отстань Дмитрич, народ мудрее нас был: предки говорили, что в день Страшного суда за каждый волосок придётся отчитываться... Ты, поди, забыл, что волосы служат в качестве приёчника. Это же наша связь с Космосом!.. На Руси всегда бережно относились к волосам, старались реже стричься, говорили: «Борода дороже головы». Дёрнуть за бороду или за усы считалось тяжким оскорблением. Волосы никому не мешали, это теперь пошла дурная мода – ходить с недобритой рожей, «как у телушке на макушке». Мужик должен быть мужиком, а борода – бородой.

– Не хочешь?.. Ну и ходи, как неандерталец! У тебя на всё свои легенды и доказательства, а передо мною ты – заросший факт!

Иван Дмитриевич вспомнил: недавно его даже похвалил: «Молодец, Митроша, не только пьёшь, но книжки читаешь, умно и складно говоришь». На что тот признался хвастливо: «Время на чтение хватало, хоть и ночевал, где придётся, даже прятался в люках коллекторов. Я – человек свободный, мне никто ничего не должен, и я никому ничем не обязан. Это у вас долги и обязательства».

Теперь, оказывается, фермер книжки привозит ему. Ну и ну! Даже смягчился к Слепцову.

– Матушка моя, Царство ей небесное, – продолжал Митроха, – была кротким существом, как бы тронутая умом – мужу ни в чём не перечила, за его бывшим жёнам не ревновала, а он к ним частенько бегал. Детишек, что наплодил, без внимания не оставлял, материально поддерживал. Дома мамаша его редко видела, он всё больше по сёлам и деревням разъезжал с бригадой оформителей. Классно обновлял в колхозах наглядную агитацию. А как же? – любое хозяйство считало необходимым отразить свои достижения в слове и цифре. Тут тебе и «Доска Почёта», и «Показатели хода соцсоревнования между бригадами», и «Наши успехи» (по зерну, молоку и мясу) или, например, «Решения съезда КПСС в жизнь!». Бригада дорожила своей репутацией, работала без халтуры. Хорошо платили им, но деньги у папаша не держались, – часть раздавал бывшим жёнам, часть пропивал с друзьями. Кое-что и нам доставалось. Когда я подрос, он меня брал с собою, хотел приучить к своему ремеслу, но не смог – с детства я был неусидчив, убегал играть к ровесникам. Шалопайничать местным ребятам не всегда приходилось – родители заставляли помогать по хозяйству, а я перед папашей никаких обязательств не имел. Бывало, сяду у местного пруда и часами наблюдаю за плавающими гусями и утками, жду, когда освободятся от труда мои ровесники. Сижу часами, смотрю, как утки пытаются оторваться от поверхности пруда – бегут восторженно, шумно хлопая крылами, или же начинают подныривать друг под друга. А какие красивые селезни бывают – не налюбуйешься. Спины так и сверкают переливами янтая да изумрудами перьев с гранитными прожилками.

И шея окольцована так, что дух захватывает. Посижу-посижу и к вечеру иду к отцу. Он меня накормит и спрашивает: «Может, ты соскучился по дому? – могу отвезти». Нет, – говорю, здесь мне лучше. Вот так, Дмитрич, привык я к смене мест, новым впечатлениям. Я же по своей натуре созерцатель. Каждый год до сентября шалопайствовал...

– Об этом я уже слышал, оставь, – прерывает его Иван Дмитриевич. – Лучше скажи, почему тебя не посадили в советские времена за тунеядство? Как ты умудрился после смерти родителей проворонить квартиру? Ведь она перешла к государству.

Митроха смотрел-смотрел на него, и вдруг свалился с дивана в судорогах и корчах, глухо ударившись о пол, закатил глаза, язык – набок, начал сучить ногами, на губах появилась пена...

– О господи! – вырвалось у Ивана Дмитриевича. Он вскочил с табурета, кинулся к телефону, ещё не понимая, что никакая скорая помощь сюда не доберётся. И тут Митроха быстро встал, и с хитрой улыбкой остановил его:

– Спасибо, Дмитрич, за заботу, никакая помощь не нужна. Ты – попался!

– Чтоб тебя кошки съели! – неподдельно вскричал тот. – Разве так можно шутить?

– Сам спросил про тунеядство. Кто же больного человека станет преследовать и сажать? Этот фокус меня выручал в самых трудных обстоятельствах, – продолжая улыбаться, Митроха, сев на прежнее место. – Квартиру я упустил по простой причине: не был в родном городе тогда и случайно узнал о смерти родителей. Поздно спохватился, не мог ничего сделать, жил без паспорта, бегал от алиментов. И слух пошёл, что я попал в психобольницу.

– И там побывал?

– Могу, но не довелось. Ты же видел мой фокус! – похвастался Митроха и добавил: – Несладко жилось мне в Союзе – гонялась за мной милиция, как за зайцем гончие псы, не давая покоя. И стал я обходить городские рынки и вокзалы, больше старался пристроиться к каким-нибудь хорошим людям, чтоб помочь им огороды копать, колодцы рыть, заборы ставить, и прочее, за похлёбку и ночлег. К людям глаз надо иметь, чтоб расположить к себе. Учёные попадались, музыканты, литераторы. Дачи у них требовали ухода...

– И обворовывал благодетелей, – усмехнувшись, вставил бывший пилот.

– Воровством занимался крайне редко, – по большой нужде. За мной ничего серьёзного не числилось, но я всегда чувствовал близкое дыхание гончих. В те времена на труде все словно помешались. Труд обожествлялся. Если кто не работал на общество, то сразу возникал вопрос: «Что за птица и откуда?» Труд прославлялся, о нём поэты стихи сочиняли, композиторы писали музыку. Песни по радио звучали с утра...

– Правильно, а ты в это время бездельничал, бегал от алиментов, хотя мог любую специальность получить и работать, как все нормальные люди. Что, неправда? – устыдил его Иван Дмитриевич.

– Дмитрич, ты абсолютно прав, не спорю, только пойми: я – это особый случай. Дело не в алиментах... Понимаешь, я с юных лет не терпел никакой власти над собой, часто задумывался о смысле человеческого существования на Земле... Кстати, Земля – это название условное, на самом деле она – Вода, земляной поверхности на ней, раз-два и обчёлся! Даже почва на одну пятую состоит из воды. Я тебе, как-нибудь расскажу много интересного о ней, но потом, ты дальше слушай. Так вот, особенно меня расстраивало отсутствие в Мироздании хоть чего-нибудь постоянного и неизменного. Звёзды и те не вечные! Как же так? – думал я. Зачем строились египетские пирамиды, если они за три тысячелетия успели утратить свой великолепный первоначальный вид – стоят обворованные, обшарпанные... Ничего нет устойчивого, всё сдувается ветром времён. Взбрехали и другие вопросы сперва в школе, потом – в армии. И решил походить, поездить, полетать по стране. «Хороша страна моя родная...» Она тогда трудилась, и действительно была хороша в этом смысле. Страна пела хорошие песни. Я ездил и созерцал несокрушимый союз республик. И походил, и покатался – ого-го! Сам знаешь, как легко перемещались тогда люди по стране. Я любил свободу, хотя и несётно ел из-за моего пренебрежительного отношения к труду. Заметь, к обязательному труду, а я никому ничего не обязан! В мою философию свободы не входило чьё-либо право принуждать меня к этому, и гоняться за мной...

– погоди, – остановил его Иван Дмитриевич, – ты сказал что-то про армию, значит, служил?

– Отдал долг Родине, не сомневайся, иначе как бы я мог жениться после дембеля?

– Одно другому не противоречит!

– За логикой следи, Дмитрич: Маша-одноклассница обещала выйти за меня после армии, дошло?

– Набирай дальше высоту.

– Выше не возьму, служба – мой предел. Что об армии говорить? Вначале, не ладилось: из наряда – в наряд. С «губы» – на «губу», и опять на кухню. Не любил я команды: «Равняйся!», «Смирно!» И прочие насильственные требования. Однажды начальник по тылу нашего полка майор Славский, увидев мой безвылазный честный труд на кухне, перевёл меня к себе в хозяйственную часть, – ухаживать за свиньями, – было у нас такое подсобное хозяйство. Не потужил майор, я ефрейтором закончил службу. Зря после свадьбы Маша пришла к выводу, что я враг труду и семейному счастью. Настояла на разводе. Я сбросил брачные вериги, и тут же был дан старт бегу гончих за зайцем. И пошёл я делать «петли» от Бреста до Владивостока, от Салехарда до Ашхабада. Порой впадал в «лёжку», – торчали лишь «ушки». Временами чувствовал себя иностранным шпионом. Не улыбайся, лётчик, я и был шпионом! – охотился за чужими секретами достижения свободы и независимости... Я с ранних лет не признавал никаких авторитетов. Начальников любого уровня обходил стороной. Свобода была для меня дороже семейных чувств, дороже любви к близким, женщине, и тем более, – государству.

Митроху понесло, он встал с дивана, заходил по избе взад-вперёд, размахивая руками, и рассказывал, рассказывал:

– Я нутром чувствовал, что Советский Союз – величайшее государство из всех, когда-либо существовавших на Земле. Коммунисты действительно желали людям добра, вели их к счастью своим особым путём. Но, попробуй, отклонись хоть на шаг в сторону, – узнаешь, чего стоит иная дорога. И ещё я понял, Дмитрич: большинство граждан СССР равнодушно относятся к свободе. Она им не нужна. Свобода – дело государства. Главное для людей – сытое спокойствие. Чтобы никто не трогал их без необходимости. Человек отдал государству дань, и не желает её увеличения, не то – возмущение, бунт! В отличие от таких людей, я стремился к полной свободы. Свобода личности – мой космос! Знаешь, я к тому же, ещё и анархист, то есть против всего, что не несёт гармонии. Такой я был в молодости, но глядя

на многие равнодушные лица, быстро остыл, ушёл в себя.

– Сдался, так и скажи! – вставил ехидно Иван Дмитриевич. – Диссиденты, к примеру, находили способы борьбы, не боялись тюремных решёток.

– Нашёл борцов! – возмутился Митроха. – Знал я некоторых из этой публики, – говоруны, и даже прохвосты. Во-первых, это не совсем русские люди – пить не умеют, а выпьют, на голову пытаются сесть. Куском хлеба не поделятся, рубахой – тем более. Во-вторых, лживые и алчные. Норовят за чужой счёт личный рай обрести.

– А ты за чей счёт?

– Не подковыривай, мне рай не нужен. Я свободу искал, хлеб зарабатывал трудом, как мог. Подаяния не просил, умел голодать, и оборванцем старался не выглядеть. Даже когда спускался в коллекторный лаз, брал с собой спецовку. Вот так! От меня не пахло. Награничный каравай рот не разевал, чужой удаче не завидовал, убежать из Союза не рвался. Так шли годы, и что-то стало резко меняться в стране. И вдруг, –трах-бабах! – страна грохнулась на московском асфальте, и распалась на части. Все свободны от всего! Говори, сколько хочешь, и что на ум взбредёт. До тебя никому дела нет. Первоначально я даже обрадовался развалу страны. К власти пришли демократы – самые что ни на есть горластые. Тут и успокоились гончие псы – им стало не до зайцев. Возликовал я, задышал полной грудью... Пора, думаю, вернуться в Орёл, осесть. Хотел осмыслить происходящее, чуть-чуть порадоваться бессмысленной жизни, – теперь уже в ином виде. Думал, найду себе занятие по душе. Приехал, и недолго радовался. Свобода оказалась жестокой по отношению к человеку – вошла в свою противоположность. Понял, власть взяла «бродяги в человечестве», так называл великий Белинский в своё время космополитов. Это же настоящие бездельники с огромными деньгами. Они оплевали прошлое, осмеяли общественный труд, извратили вековые смыслы, пустили бродить по миру в поисках работы миллионы людей, а сами стали жировать. Дмитрич, на твоих глазах это происходило, пока ты на самолётах в небеса поднимался, да модели самолётиков мастерил вечерами... Как я тебя уел, а? То-то. Да, я – бездельник, а вы все – предатели своей великой идеи. Строили-строили Союз с потом и кровью и развалили. Я в этом отношении чист – предвидел, что всё превратится в

прах. Скажи, что случилось, например, с твоим Аэрофлотом?

– Митроша, или как тебя там по отцу величали?

– Папаша мой Кондрат!

– Значит, Митрофан Кондратьевич...

– Не надо папашу сюда, я был и есть Митроха – беспаспортный бомж!

– Ну, хорошо, Митроха, так Митроха. Вот, что скажу тебе, – философ-созерцатель. Согласен, жизнь устроена плохо, но другой нет, и не будет, разве что – на небесах. Здесь же, на Земле или Воде, как ты говоришь, надо что-то уметь делать руками и головой, и делать сообща. Если ничего не делать, то вымрем, как мамонты. Не потому, что изменилась природная среда, а потому, что обленимся, и нас сомнут. Жить за счёт других, не принося пользы, – подло, – накинудся на него Иван Дмитриевич. – Судить других, не осуждая себя, ещё подлее. Представь твою же языческую картинку: Русского человека на морозе привязали к столбу и обливают водой, умышленно обвинив его в чудовищных преступлениях. Он их не совершал, а его слушать не хотят. Он мучается, а ты из любопытства подходишь и говоришь сочувственно: «Успокойся, человек, ты не мерзавец, ещё не замёрз, и хотя на тебя воду льют эти подлецы, – держись и помни, труд их напрасный и превратится в ничто!» Посочувствовал, называется. Зациклился ты в своих бесплодных рассуждениях. У тебя в голове хаос происходит, душа волосьями обросла. Читал, наверное, о первоначальном космическом Хаосе, из которого появился Свет?

– Есть такое предположение, – вяло буркнул Митроха. – И что?

– Из твоего хаоса в голове свет пока не льётся.

– Тогда повод есть – выпить за мороз и сочельник, и пусть будет свет! Ты же обещал раскупорить бутылку, что в чулан унёс вчера или... позавчера?

– «Надысь», как раньше говорили в деревнях, – усмехнулся Иван Дмитриевич. – Про Союз заговорил ты, и взгрустнулось мне. Ладно, хрен с тобой, давай выпьем, раз я обещал. Выпьем за мороз, можно и за Крещение. И будем смотреть репортажи с рек и озёр, где чудаки лезут в проруби...

Через час Иван Дмитриевич горячо доказывал гостю, что самая красивая работа – желание летать. И широко расставив руки, напевал:

*И солнце нам светит и звёзды,
по курсу то снег, то дожди,
и небо тревожно и грозно,
когда ураган впереди.*

Потом обнаружил, что бутылка пуста, а желание летать усилилось, и он спросил:

– Митроша, что будем делать?

– К Акулихе пошли! – брякнул он первое, что попало на ум.

– Вылет отменяется, она стряпает, – готовится к встрече племянника. – Думай дальше.

Бомж запустил в волосы пятерню, почесал макушку, поднял вверх указательный палец:

– Идея!.. В сарае у Панкратыча мыши прогрызли меха ливенской гармошки. Бери клей «Момент», и топаем к нему, будем устранять дырки. Лучшего варианта не придумать.

И вот уже бомж и отставной лётчик по крутому откосу карабкаются вверх, цепляясь руками за мёрзлые ветки низкорослого раkitника. Их, преодолевших подъём, лаем встречает лохматая собака, отбрасывая задними лапами снег. На лай вышел Панкратыч, признал пришельцев и повёл их в избу. Из чулана показалась ушастая голова Руськи. Заяц бодро пошёл обнюхивать Митроху...

Пора осмотреться, пока Панкратович встречает гостей... Если стать на крыльцо его избы, то можно увидеть вдали тёмный ряд прибрежного раkitника и угадать, куда с поворота уходит Неручь. Заметить крышу избы Акулихи, угол жилища тёщи Ивана Дмитриевича. А вот двор Слепцова не разглядеть – закрыл сарай Панкратыча, куда он вскоре зашёл и вышел с ливенкой, – понёс её в дом для починки.

Как гости латали меха гармони, – дело прозаическое, гораздо интереснее услышать вскоре лирические звуки этого старинного инструмента. Они всё набирали и набирали силу, волнами теснили бревенчатые рёбра избы, а когда им совсем стало неважно, дверь широко распахнулась с ноги Панкратыча, и он с ливенкой в руках начал распевать свою любимую песню: «Раскинулось море широко и волны бушует вдали, товарищ мы едем далёко, подальше от нашей земли»...

И действительно, вокруг простиралась необъятное море русской равнины, застывшее белыми

волнами сугробов. Бог знает, что творилось в душе бывшего моряка Тихоокеанского флота. Скорее всего, ему надоело стоять на якоре, и тянуло пуститься в плавание, тем более, что метель стихла, сумерки загустели и одинокие маяки окон вдали манили к себе. Ещё латая меха гармони, Митроха понял состояние бывшего матроса. И бывший пилот тоже расправил крылья, почувствовав необходимость подняться выше обыденности. Распевая знакомую многим поколениям песню, троица резво спустилась с бугра и по глубокому снегу направилась в сторону бывшего колхозного клуба, наглухо заколоченного досками.

*

Пока мужская троица идёт в правильном направлении, надо успеть сказать кое-что и о некоторых местных женщинах. Неподалёку от закрытого клуба жили две пенсионерки: Марья Яковлевна – бывшая учительница, и Полина Петровна – в прошлом колхозный бригадир. Обе одинокие, но в летнее время таковыми себя не чувствуют, поскольку из города к ним приезжают то дети, то внуки. Весело и шумно во дворах их в эту пору. Зимой – никого, и ходят они в гости друг к другу. Накануне Рождества проведали Акулину Васильевну, а в крещенский сочельник пришли к старушке-подружке – Нине Ивановне, чтобы напечь пирожков с вареньем. Она раньше заведовала клубом, к Богу относилась равнодушно, а чем ближе к пенсии, тем ближе стала воспринимать Христа. Совсем открылся ей Господь, когда Россию возглавил В.В. Путин. Так, во всяком случае, однажды сказал Панкратович бывшему пилоту.

Нина Ивановна раньше за крещенской водой ходила в поселковую церковь или добиралась в Орёл автобусом до храма Михаила архангела. Теперь состарилась, сокрушается, что останется без святой воды. Полина Петровна ей и говорит:

– Ниночка, мы тебе воды утром наберём. На Крещение везде вода святая: можем принести из колодца, можем - из проруби, какая тебе разница?

– Как-то не то, – возражает старушка, спустив ноги с кровати у стола. – Другое дело, когда у храма народ собирается, ждёт выхода батюшки; там и свечку поставить можно, и помолиться среди народа. Сообща молитва быстрее доходит к Богу. Легче бывает на душе, а вы мне воду принесёте из колодца и всё?

– Сама видишь, сколько снега навалило, некому дорогу чистить. Мы с Марией Яковлевной уважаем праздники, но сами-то какие верующие? Так, стараемся что-то понять... Ты, извини, но одно дело в церковь ходить, а другое – жить по Христу. Вот, ты сказала: «воду принесёте и всё?» А чего ещё-то? Помолись, свечку поставь, мы с тобой постоим, вспомним родителей, можем по стопочке выпить, поплакать. Нас в деревне осталось восемь бабок и четыре деда. Посчитай и тех, что на бугре и внизу живут. Два десятка не наберётся зимой, а раньше деревня была – гул не смолкал! На тракторах к клубу подъезжали прямо с поля. Помнишь, как танцевали? Гармошка допоздна играла. Сергей Панкратович с ней не расставался, даже в кабине возил.

– Интересным был Серёжа, – заулыбалась Нина Ивановна – я всегда тельняшку чинила, когда ему перепало за девчат. Заводной был, отчаянный, а как Зину свою схоронил, сразу одичал, усох, сгорбатился. Что годы делают с людьми? Теперь, говорят люди, собаку на зайца променял. Чем живёт? – продаст мёд, и весь заработок. Как всё переменялось, народ не тот, поскучнел народ-то... Ну и время!

– Не только время, – остановила её Мария Яковлевна, – мы сами хороши. Привыкли перестраиваться воли других людей, не всегда порядочных. Москва заварилась кашу, а мы её хлёбаем до сих пор. О нас ли там думали? Нет, о себе. Митинговали, бурлили речами, с милицией дрались на площадях. У нас было тихо. Мы смотрели по телевизору их заваруху, ждали, что выйдет. Вышло то же, что было и в 1917 году, когда две революции происходили. В Петрограде гремело, а здесь аукалось муками и кровью. Я уже никому не верю!

– Христу надо верить и совести своей – решительно сказала Нина Ивановна и встала с кровати. – Ты хоть и грамотная, а не дошла до веры. Предки наши ею жили, из всех бед выходили, войну, вон какую вытерпели...

– Нинка, ты опять коммунистов будешь обвинять? – перебила её вопросом Полина Петровна и строго взглянула на неё.

– Нет, Поля, не буду, коль уж Акулина Васильевна плохо о них не отзывается. Она мне ума прибавила. «Дитятко моё, говорит, – запомни, всякие коммунисты были: настоящие и притворные. Ныне притворные сделали перевес в свою пользу». Я словам её верю, она с моей мамой дружила ещё с довоенной поры,

неразлучными были, даже в один год свадьбы справили. Потом война пришла, и нас, детишек, прятали по подвалам, а как немцев прогнали, вместе колхоз восстанавливали. Это теперь её прозывают «бабкой Акулихой». Мало кто помнит, что после войны она избиралась председателем колхоза, почётно пользовалась в деревне. Правда, недолго – куда ж без грамоты? У неё четыре класса образования, а тут фронтовики стали подходить. Из мужиков, может, ещё Сергей Панкратыч тому свидетель, а ты, Полина, совсем дитём была, а Мария в городе училась, потом чурались наших плясок у клуба и за оклицей. Понятное дело, учительница, а мы народ простой, нам такое по душе...

– Ой, Нина Ивановна, ну что вы такое говорите? – «чурались»... У меня свободное время забирали тетрадки, я даже завидовала вам, когда слышала смех и частушки, – оправдывалась Мария Яковлевна, раскатывая на столе тесто деревянной каталкой.

Вдруг она насторожилась, прислушалась:

– Вроде, гармошка играет?

– Ой, и я слышу! – потянулась к окну хозяйка дома. – Думала, мерещится. Глянь-глянь, Поля, ты поглазастее меня, неужто и впрямь кто-то гармонь растянул?

Полина Петровна прильнула к окну, поскребла ногтём стекло, оттопила наледь и разглядела фигуру Панкратовича, изогнутую знаком вопроса. Рядом шагали коренастый Митроха и сухощавый Иван Дмитриевич. Весёлая тройка остановилась напротив светящего окна Нины Ивановны. Панкратыч, чувствуя, что его разглядывают, бодро прошёлся пальцами по кнопкам ливенки, а Митроха шутовски затянул где-то услышанную им на юге курортную песенку:

– Алеет восток, гастроном недалёк, мы пойдём в магазин на троих сообразим.

И все трое подхватили припев:

– Дай на маленькую! Дай на маленькую! На большую не прошу, дай на маленькую!

И опять, Митроха:

– У меня есть два рубля, у него есть два рубля, нам ещё бы пять рублей, жить бы стало веселей.

И дружно все потребовали:

– Дай на маленькую! Дай на маленькую! На большую не прошу, дай на маленькую!

Слова плохо слышались, но поняла хозяйка, это Сергей Панкратович надоумил приятелей

направить стопы к её избе. Она засуетилась, не зная, что делать. Полина Петровна пришла ей на помощь:

– Ниночка, мужик без женщины, что собака без блох: жить можно, но скучно, а женщина без мужика, что блоха без собаки: жить можно, но кусать некого!

– Чем кусать-то? – отозвалась Нина Ивановна. – Выпали зубы-то. Мужики, поди, выпить хотят, а я это дело не держу, - и с грустью добавила:

– Разыгрались бесы, а вынести нечего. Нешто, вишнёвкой угостить? Ну, той, что вы принесли... Выйди, Поля, к ним предложи...

Не будет Полина Петровна возиться с вишнёвкой, разве не знает, что мужикам требуется? Вышла, кивнула троице и склонилась к Панкратовичу:

– Серёжа, я щас, мигом! Только эту дурь прекрати. Наигрывай наши, частушечные, но без матерка. Нинка, сам знаешь, церковная, на это нервничает. Ну, я побежала...

Воротилась она быстро с самогонкой, следом подошли два старика в сопровождении двух своих ровесниц. Явились ли на звуки гармошки или их утянула за собой Полина Петровна, гадать нет смысла, всё равно к самогонке они не притронулись – прошли их золотые времена. Им бы гармонь Сергея-морячка послушать, и пусть не поплясать – хотя бы снежок потопать валенками, может, в последний раз... Не может же русский человек, как немец замкнуться в себе, не выходить из дома вечерами. Без общения русский человек перестаёт уважать себя, даже боль свою и беды старается вынести наружу, как бы на обсуждение. Да и потаённые желания долго не держит в себе.

Полина Петровна чуть пригубила самодельную водку, губы обтёрла и запела:

*Разверни-ка гармошку, дружок,
Веселее играй и подольше.
Полдеревни придёт на лужок
За околицу – бить подошвы.
Берегись ты чужого огня –
Быстро гаснет – себе дороже...
Не забудь пригласить меня,
Когда Нина уйдёт, Серёжа.*

Сергей Панкратович понимающе кивнул, и шире развернул гармонь. Задвигались живые

тени на снегу. Бабка Степанида, что пришла с Полиной Петровной вдруг затянула пронзительным голосом, вспомнив что-то своё:

*Я любила сердце тешить
За деревню выбегать,
Все кусточки зеленеют,
А залётки не видать.*

Тут же её подруга отозвалась:

*За деревню быки
На коров кидаются,
А в деревне мужики
Пьяными валяются.*

Дед, что пришёл с ней, такое не стерпел, ответил хрипло частушкой:

*У моей миляшки ляжки
Сорок восемь десятин.
Без штанов и без рубашки
Обрабатывал один.*

– Матвеевич, – строго одёрнула его Полина Петровна. – Нина Ивановна сейчас выйдет, тебе не поздоровится, прекрати немедленно!

– Ишшо одну для Нинки твоей, и всё! – пообещал он:

*Гармонист, гармонист
Положи меня под низ!
А я встану, погляжу
Хорошо ли я лежу?*

Бабка Стенанида пошла ногами утрамбовывать снег, приговаривая:

*Говорят, что я старуха
Только мне не верится.
Посмотрите на меня,
Во мне всё шевелится.*

Тут Нина Николаевна стала спускаться с крыльца, и Сергей Панкратович заиграл «Прощание славянки», зная, что она любит эту мелодию. И попал в точку.

– Ой, спасибо Серёжа, не забыл, тронул моё сердце. Я, признаться, уже и не думала видеть тебя с гармошкой. Да и сама давно отошла от мирских игрищ, а заиграл ты, не утерпела, дай, думаю, выйду, посмотрю, кто это взбудрил деревню. Ты играй, играй, повесели людей. Ведь пока гармошка жива, то и деревня жива, а не будет её, считай, что и нас нет. Это Господь подвиг тебя придти к закрытому клубу в сочельник. Играй Серёжа, я послушаю, и подожду Марию Яковлевну, она пирожков напечёт и вынесет нам

сюда – горяченьких. Всё одно вы, нехристи, не угомонитесь...

И Панкратыч не заставил себя ждать. Он до её прихода уже приложился к самогонке из ловких рук Полины Петровны, потом она подкрепила Митроху и Ивана Дмитриевича, после чего бывший божж пропел частушку про лётчика:

*Лётчик любит стюардессу,
С нею тесно он знаком:
Классно под её началом,
Ещё лучше – под концом.*

Иван Дмитриевич нашёл, чем ответить:

*Старый божж уснул под ёлкой
В нашем парке городском.
На лице его иголки,
На макушке снежный ком.*

Раздаётся смех. Самогонки выпили всего-то чуть-чуть, а хорошо сделалось, и мороза как будто нет.

В общем, повеселились, взбодрил Панкратович одиноких жителей почти умирающей деревни.

*

Зимой время летит быстрее самолёта, оглянуться не успеешь, как уже лукаво заглядывает в окно весеннее солнышко. Вышел во двор Иван Дмитриевич, щурится, подставив лицо тёплым лучам. Видит он: бугор Панкратовича подсох, зазеленел, раakitник покрылся изумрудными пушистыми шариками, грачи хрипло дерут глотки. Постоял, прошёлся, – чавкает под ногами снежный кисель, ручейки светлыми змейками потянулись к Неручи. И он с радостью заметил: оживает земля, кончилась зимняя спячка.

Вслед за ним вышел во двор и Митроха. Он заметно помолодел после того, как Иван Дмитриевич собственноручно подстриг его голову накануне смерти тётчи. Теща умерла через неделю после Крещения. И ещё одно, но уже трагическое событие произошло через месяц.

Однажды приехал из города Слепцов с Ильёй – угрюмым рослым парнем, и сразу же из каких-то своих соображений прогнал на все четыре стороны Митроху. На его место поставил этого – привезённого угрюма. Зачем он поступил так вероломно, неизвестно. Жалко стало Ивану Дмитриевичу божжа-«философа», и он пригласил его к себе пожить, решив, что

вместе легче переносить однообразные дни, тем более, что Митроха согласился присмотреть за избой, когда он уезжал на похороны тётчи. Иван Дмитриевич больше недели отсутствовал, очень боялся, что тот, лишившись работы у Слепцова, уйдёт бродяжничать, да и жена, схоронив мать, настоятельно просила его вернуться в деревню, пообещав, что как только оформит пенсию, приедет в родительское гнездо навсегда. Город ей опостылел. У неё возникла какая-то сказочная, детская мечта о жизни в деревне. Он и вернулся, узнав, что за время его отсутствия, тот самый Илья, привозной парень, поссорился с фермером и убил его. Дело было при двух случайных свидетелях, тоже приехавших на внедорожнике с хозяином. Что и как произошло, знают только следователи. В деревне лишь говорили: «Зря Ромка прогнал со двора Митроху – живой был бы, а не лежал в земле».

Вскоре приехала в деревню Катерина – та самая, что когда-то устроила Митроху работать у брата. Она просто умоляла его вернуться на прежнее место, чтобы уже ей – наследнице фермерского хозяйства помогал он управляться с делами.

– Даже не представляю, что мне делать без твоей помощи, – стонала она. – Лошадь надо кормить, гусят инкубаторских закупить, дом брошен, документы на него не оформлены... Выручай, я в долгу не останусь, буду привозить тебе всё, как брат привозил, голодать не будешь... Выручай, Митроша, я замotalась с торговлей: то в Москву езжу, то в Иваново за тканями. И с юристами предстоит кредиты распутывать. Не управляюсь...

– За Дамку не беспокойся, – сочувственно отозвался он. – Я её навещаю, кормлю, вывожу. Ей предстоит огороды пахать, Панкратыч первый в очереди, следом бабка Акулиха... С Дамкой всё понятно, а вот, как выручить тебя? – подумать надо. Мне же, Катюша, 63 года, здоровье уходит, легко ли с царством гусей справляться? И брат твой не железный был...

– Пенсию получаешь? – внезапно задала она вопрос.

– Какая пенсия? Я – божж, нигде не работал.

– Это ничего не значит! – отрубил Катерина. – Положено давать после 60 лет всем мужчинам. Хоть небольшую, но дают. Ты что, не знал?

– Я не являюсь гражданином: ни России, ни какой другой страны. Я – ничей, и в одном экземпляре...

– Подожди, – задумалась Катерина, – у тебя действительно нет паспорта?

– Потерян давно. Обхожусь, как видишь.

– Тогда запросы надо писать, справки собирать и другие бумаги... И потом, головушка ты моя, пойми: придёт время, ты умрёшь, – как тебя хоронить? Ты – никто, нигде не числишься. Отвезут в морг и будешь лежать, до выяснения: что с тобой делать? Нравится такая перспектива? Господи, что за люди такие, беззаботные?.. Давай так: начинай работать у меня, а я буду узнавать, как тебя восстановить. Слушай, может какие родственники у тебя в городе остались?

– С сестрой Леной, что от второй папашинной жены, я встречался несколько раз, она моложе меня, всё интересовалась, где живу и что делаю? – улыбнулся Митроха. – Других знать не знаю и знать не хочу!

– При случае разыщем, – пообещала Катерина. – Ты заведи у меня сумки продуктовые, бельё постельное, что привезла тебе. Хватит беспокоить Ивана Дмитриевича, к нему жена должна приехать. Хорошо ли тебе будет у них под ногами путаться? Короче, дорогой мой, давай работать. Ты поможешь мне, потом я – тебе.

Митроха промолчал, понимая, в какое сложное положение она попала. К тому же помнил её доброту. Это она заприметила его тогда на рынке, когда он ходил-шатался между ларьками в поисках пропитания. Она быстро пристроила его к подругам на разгрузочно-погрузочные работы, потом привезла к брату в деревню. За три года привык он к чужому хозяйству и не мог понять, за что его прогнал этот липовый фермер?

Этот разговор тогда был в присутствии Ивана Дмитриевича. Теперь он стоял и вглядывался в небо, заметив в синеве звенящего жаворонка, потом обратился к Митрохе с вопросом:

– На какой высоте поёт жаворонок?

– Видится точкой, – думаю, метров триста.

– Нет, – заулыбался тот. – В два раза меньше. Знаешь, к чему говорю?

– Крылья весной почувствовал за спиной?

– Угадал. Когда я был в Орле, встретился с очень интересным москвичом, моим старым знакомым. Он мне рассказал: американцы здорово продвинулись в практическом применении беспилотных летательных аппаратов. У нас об этом знают пока только специалисты, но скоро беспилотники себя покажут. Их называют «дро-

нами». Американцы уже практически используют их, а мы опять ушами хлопаем.

– Ты хоть объясни, зачем нужны эти хреновины?

– Что такое «компьютер», «мобильный телефон», знаешь?

– Приходилось однажды играть в «стрелялки» на компьютере, и мобильник держал в руках, – похвалился Митроха. – Так это ж пять лет прошло... Ты думаешь, я совсем ничего не сообщаю?.. Мне один подполковник показал, как «мышью» водить, когда мы с ним в «стрелялки» играли, и я его...

– Про «стрелялки» потом, – остановил его Иван Дмитриевич. – Дроны дело серьёзное. Представь себе: не жаворонок висит в небе, а небольшой вертолётчик-самолётчик на высоте 100 метров и фотографирует поле, а ты дома за столом перед экраном видишь всё, что он снимает, понимаешь, где посевы хорошо перезимовали, а где подмёрзли. Дрон потом спускается ниже и даёт картинку, облетая участок за участком, и всё – на твоём экране. Не надо выезжать в поле, ходить и осматривать зелень. Дрон полетал и в нужное время сам опустится к тебе на порог. В него заложили определённую программу, что и как надо делать. Весной и летом может следить за ходом сева, недосева, пересева, может осматривать состояние пастбищ, смотреть: как идёт подкормка посевов или уборка урожая. Может доставить почву через речку, через бездорожье. Дрон всё может. Это же экономия затрат! – настолько перспективная технология, что многие даже не представляют.

– Скоро сказка сказывается, да нескоро дело делается! Могзами наделён, что ли дрон твой? Так не бывает, – засомневался Митроха.

– Вместо мозгов у него гироскоп, чтобы знать в какую сторону направляться, есть ещё датчик – акселерометр для определения скорости и направления движения, есть и навигатор, чтобы понимал бы, где находится. Имеется микропроцессор, в общем, в него заложены все новейшие достижения современной науки. Энергоснабжение обеспечивают небольшие по объёму и весу батареи. Я просто заболел дронами, после того, что о них услышал. Я тебя недаром про компьютер и мобильник спросил. Принципы работы у них схожие, многие детали годятся для создания дрона. Теперь буду конструировать только его, и уже заказал необходимые части и детали. Меня проконсультировали

в общих чертах, как это делается. Буду создавать беспилотник, заброшу свою летательную трещотку на бензине. Это пройденный этап. С внедрением в хозяйство этих летательных аппаратов до неузнаваемости изменится жизнь страны.. Представляешь, как это перспективно и интересно?

– Ещё как представляю, например, Катерина, хозяйка моя, у себя в квартире будет смотреть на экране, как плавают гуси по Неручи, и где в это время я нахожусь. Ей – благо, а мне? Захочет она и с помощью дрона возьмёт и сбросит мне на голову кирпич!

– Не пори чепухи, сам знаешь, что Катюша добрая, измоталась, правда... Нет, ты слушай: дроны – это новая эпоха! – восторженно продолжал рассуждать Иван Дмитриевич, пока его порыв не прервал он крылатым некрасовским выражением:

– «Жаль только, жить в эту пору прекрасную не придется ни мне, ни тебе».

– А ты не спеши умирать, будем жить из любопытства! – не сдавался пенсионер.

– Тут не возразишь, – согласился Митроха. – Особенно с приходом весны.

Долго потом он стоял, теребя на ветерке подстриженную бороду, шурясь на солнце, встающее над речкой, и смотрел вдаль, а там, за Неручью, среди широко раскинутых полей агрохолдинга, на проталинах уже зеленели озимые. Он вглядывался и вглядывался в них, замечая нечто такое, что отесняло его философское «ничто» за пределы горизонта. И он подумал: «Прав Дмитрич, надо уметь что-то делать хорошо в этой жизни, может даже... за чужими гусями ухаживать». И в первый раз в жизни искренно рассмеялся.

Февраль 2019 г. Орёл

